

Гортензия

ПАРИЖ

1799 год

Нас было пять сестер, четыре стали любовницами нашего короля, и лишь мне удалось ускользнуть из его рук. Но это был мой осознанный выбор: пусть мне сейчас восемьдесят четыре и все, о чем я расскажу, случилось давным-давно, но женское тщеславие неподвластно времени. Поэтому я хочу сказать вам: и я могла бы. Если бы захотела. Потому что он — король — уж точно этого желал.

И сейчас я имею в виду не последнего короля, нашего Людовика XVI, бедного, несчастного короля, который шесть лет назад закончил свою жизнь на гильотине, как и его супруга-австрийка. Нет, я говорю о Людовике XV, короле подлинно великом. Я знавала его еще тогда, когда он был юн и свеж и ничуть не походил на того скандального развратника, в которого превратился с годами. С мешками под глазами, влажными от похоти губами и землистого цвета кожей.

Сегодня история о моих сестрах и Людовике XV большей частью забыта, воспоминания о них затмили истории о более известных и скандальных любовницах, но и те поблекли на фоне потрясений последнего десятилетия. С годами я тоже стала забывчивой, память моя ослабела, многое из нее стерлось, но воспоминания о сестрах, случается, внезапно вкрадываются в мои мысли. Целыми часами я сижу, погрузившись в старые письма: читаю их, потом перечитываю — они одновременно для меня и утешение, и печаль. Разве есть что-то

более сладко-горькое, чем тяга к воспоминаниям? Эти письма, портрет одной из моих сестер, что висит над камином, да выцветший набросок портрета еще одной (его положили между страничек Библии) — вот и все, что у меня осталось.

Все началось давным-давно, в 1729 году, — почти три четверти века миновало. Тогда все было иначе, нас окружал совершенно иной мир. Мы были высокомерны и уверены в своем привилегированном положении, мы даже не подозревали, что однажды все может измениться, что право, дарованное нам рождением, не всегда будет сулить то, что было обещано судьбой. Мы были законными дочерьми маркиза, знали, что значат титулы, этикет и привилегии аристократии, но разве это имеет значение? Что ж, и сейчас мы, граждане, понимаем, что все это значит немало, хотя и должны делать вид, будто это не так.

Мир — наш мир — тогда был мягче; те, кто мог себе позволить, прятались за масками и мишурой, стремясь отгородиться от неприятной реальности. Нам никогда и в голову не приходило, что может случиться такой ужас, как Великая французская революция.

Я и мои сестры жили в родительском доме на Набережной Театинцев. Наш дом располагался в центре Парижа, на берегу Сены, в окружении богатых особняков, принадлежащих могущественным особам. Наш дом до сих пор стоит на этой улице, которую переименовали в Набережную Вольтера, — в честь великого философа. Меня коробит от одной мысли о том, кто там сейчас может жить.

Большой элегантный особняк воспринимался всеми нами как наше место в этом мире. Я отлично помню мамину спальню на втором этаже, великолепную и роскошную, отделанную золотом, и то благоговение, которое мы испытывали, когда нас вызывали на аудиенцию. Конечно, детская была не такой огромной; на детей в то время мало обращали внимания. Зачем тратить деньги на вещи или детей, которых почти не видишь? Детская спальня, холодная, почти без мебели, располагалась на четвертом этаже, но нам она казалась довольно уютным гнездышком, и мы воспринимали ее как место, которое было нашим раем в этом безжалостном мире.

Об образовании речи не шло; тогда стремились воспитать не образованную дочь, а дочь с хорошими манерами, которая могла бы ловко лавировать в запутанных лабиринтах учтивости и куртуазности, так необходимых в великосветском обществе. Откровенно говоря, даже убеленная мудростью, пришедшей с годами, я не могу утверждать, что образование чем-то помогло бы мне в жизни.

Нас было пять сестер и ни одного брата; иногда мама говорила, что так ее прокляла судьба за то, что она наслаждалась шампанским.

И хотя мы были детьми одних родителей, все мы оказались совершенно разными. И насколько разными! Луиза — самая старшая, очаровательная красавица; ей было девятнадцать, когда ее впервые представили ко двору. Она была мечтательницей, и глаза ее вспыхивали, когда она думала о своем будущем и счастье, которое обязательно к ней придет.

Далее шла Полина, настоящая разбойница, живая и энергичная, с угловатой фигурой и угловатым характером. Именно она, упрямая, как ослица, верховодила в детской и главенствовала над всеми нами как в росте, так и в силе. В свои семнадцать Полина уже знала, что будет могущественной и важной. Понятия не имею откуда, но она знала. Точно знала.

Наша следующая сестра — Диана; тогда ей было пятнадцать, всегда в приподнятом настроении, ленивая и небрежная. Диана избегала конфликтов, и единственным ее желанием была возможность похихикать и помечтать о том, как она станет герцогиней. Внешне она всем походила на нашу сестру Полину, но без яркой индивидуальности последней. Мне кажется, что это было одновременно и проклятием, и благословением.

Четвертой была я; мне исполнилось всего четырнадцать, когда все изменилось. Родные и близкие считали меня самой красивой в семье, и многие подмечали, что я очень похожа на свою тезку, известную прапрабабку Гортензию Манчини, которая в свое время пленила не одного короля.

И наконец, пятой была Марианна. Признаться, кажется странным, что о ней я упоминаю в последнюю очередь. Двенадцатилетняя Марианна тоже была настоящей красавицей,

но за ангельским личиком скрывался острый и живой ум, проявления которого подчас изумляли наших нянь.

Помню годы, проведенные на четвертом этаже Набережной Театинцев, как годы счастливого детства, годы, исполненные любви и света. Конечно, случалось разное, порой вспыхивали мелкие ссоры и драки, но в целом царила гармония. Гармония, которая стала так цениться и которой так не хватало в нашей взрослой жизни. Вероятно, были знамения, но слишком слабые и незаметные, всего лишь отзвук тех безжалостных страданий, ожидавших нас впереди. Нет, я вспоминаю счастливое детство до того момента, когда нас подхватил жестокий мир взрослых и закружил в водовороте разочарований и беспощадности, пока мы не утратили нашу детскую близость, пока не сломалась Луиза, пока Полина не погрязла в низости, пока Диана не растолстела и обленилась, а Марианна в своем бессердечии не научилась играть людьми.

Но, несмотря ни на что — в радости и горе, в грехе и скандалах, с разбитыми сердцами и на седьмом небе от счастья, в изгнании и смерти, — мы всегда оставались сестрами. И теперь я — единственная, кто остался. Сажу в полумраке комнат, старуха, и целыми днями перебираю письма сестер и ворошу воспоминания. Иногда мне кажется, что если я затаюсь и буду сидеть неподвижно, то вновь смогу услышать их голоса.

ЧАСТЬ I

Ма, что в любви

Луиза

ВЕРСАЛЬ

1730 год

Версаль. Простор, великолепие и эхо; голоса сотни людей, сливающихся в гул, несмотря на то, что каждый старается разговаривать приглушенным шепотом; смешанный запах тысяч ароматов, который витает над огромной толпой, напоминающей ожившую картину.

Все вокруг покрыто позолотой, стены увешаны огромными зеркалами, которые напоминают озера на мраморных стенах и отражают вашу жизнь, только многократно увеличенную. Повсюду подсвечники и канделябры, некоторые в две сотни свечей, а ночью дворец светится так, как будто его освещает само солнце.

Бесконечные коридоры украшены рядами статуй королей и богов; выполненные в бронзе, мраморе и камне, все они огромных размеров. Потолки так высоки, что, кажется, достигают небес, и расписаны подобно самим небесам, только нельзя поднимать голову и восхищаться ими, поскольку следует всегда казаться утонченной и безразличной.

В этом огромном дворце немудрено заблудиться; повсюду — ловушки и мошенничество, а также множество правил,